

84(2=632.1)/6

С-179

ПАСЛЕЙ
САМЫК

*ОГНЕННЫЙ
МАРАЛ*

-310155-

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

Сух. гип. № 7. 10296 — 10.000 000.

с/

ПАСЛЕЙ САМЫК

***ОГНЕННЫЙ
МАРАЛ***

СТИХИ
ПОЭМА

Перевод с алтайского

Горно-Алтайское отделение
Алтайского книжного издательства
1978

84(2=632.1)6-5

С (НАТ)
С-179

310155 ✓ ✓

Горно-Алтайская
областная
БИБЛИОТЕКА.

Стихи алтайского поэта Паслея Самыка пронизаны любовью к людям, к природе Горного Алтая. Они отличаются широтой мышления, огромной эмоциональностью. Поэт пишет о времени, о себе, о судьбе своего поколения. В стихах Паслея Самыка — глубокий оптимизм думающего человека, живущего делами и заботами нашей Родины. Паслей Самык — автор нескольких поэтических сборников на алтайском языке. Данная книга является переизданием сборника «Песнь моя — Алтай».

О 70403 -0,23
М 138 (03) 76—78

© Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1978 г.

5-С7-ОМ

*Чаптынову
Валерию
Ивановичу*

СЕРДЦЕ МОЕ

Сердце мое —
одно безмерное,
свернутое в клубок,
красное и живое
стихотворение.

Стих мой — дыханье мое.
Строчку снимаю с губ.

День ото дня
к людям любовь растет у меня.
День ото дня
революции понимание обостряется у меня.
День ото дня
расцветает моя человечесья суть:
в каждом цветке я вижу улыбку свою,
в каждом ветвящемся дереве — контур моих раздумий,
в каждом встреченном человеке — себя узнаю.

Видно, я никогда не состарюсь,
никогда не умру:

вечно буду с деревьями вместе стоять на ветру,
вечно буду вместе с моими горами Вселенной музыку
слушать,
буду радоваться радостью будущих поколений,
с человечеством, с миром сольюсь —
навсегда.

И никогда
этот стих мне, должно быть, не кончить,
и никогда я, должно быть, понять до конца не смогу:
этот мир, эти люди — где они,
во мне
или — вне?

Я землей становлюсь,
душу ее понимаю,
с деревом, камнем, воздухом
смешиваюсь — живой.

И всю прошлую жизнь человечества,
кажется мне, я прожил,
всю грядущую жизнь человечества,
кажется, знаю я.

КАК ПРЕКРАСЕН МИР!

Когда отложишь дела в сторону
и, раскинув руки, посмотришь вокруг,
ты невольно и просто воскликнешь: — Здорово!

Как прекрасен мир!—
удивишься вдруг.

Я иду,
все живое сердцем приемля,
слышу голос кукушки в ельнике густом.
Не ее ли песня, упавая на землю,
цветами и травами восходит потом?

И, кажется, знаешь
душу всего сущего,
плавающего, летающего,
дышащего, растущего,
и меня окружает бесчисленная родня,
и каждый просит:
— Люби меня!

— Полюби нас! — цветы, раскрываясь, просят
и склоняют головки в немой мольбе.

Ветер лепет реки из низины доносит:

— Неужели язык мой непонятен тебе?

Старые лиственницы, нахмурившись строго,
плеч моих касаются колючей рукой:

— Мы прожили много, мы думали много,
переведи нашу мудрость

на язык людской!

Изболелась душа моя, истомилась,
ведь со всех сторон, от зари до зари,
просят:

«Будь нашим голосом, сделай милость!

От нашего имени говори!»

О, сумею ли здесь, на земле родной,
чистым голосом стать
красоты земной?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я ночами к тебе прилетаю, Алтай.
От далеких вокзалов,
грохочущих где-то,
от аэропортов,
от наполненных светом
городов,
исходящих
ночью пляской реклам.
Я к тебе прилетаю,
черноглазый народ.
Я аилы твои,
точно гнездышки ласточек,
обнимаю,
дождями умытые ласковыми,
моя горная родина,
голубой мой Алтай.
Люди будущих лет в моем сердце, как плод.
Те, что гордо, как шарф,
будут связывать ветры.
Их бесстрашный язык,
весь пронизанный светом,

созревает в моей истомленной груди.

И хочу ль я писать —
мне трудно писать,
иль хочу я любить —
мне трудно влюбиться:
речь грядущих поэтов

в мой вторгается стих,
их любовью большой

наливаются сердце и бицепсы.

О Алтай мой, Алтай —

Октябрем возрожденный народ!

Вот от искры в горах

вспыхнул сабельный высверк —

и как будто из камня

судьбу твою высек!

Ты свободу обрел,

как повязку сорвавший орел.

И по гордым горам,

угрожая богам,

ты идешь,

разрастаясь, как можжевельник.

Я хочу языком твоим

правду оказать,

как сливаются в братстве народы и реки.

И когда мне трудно

и полон рот

слов,

багровых, как кровь,

задыхаясь словами,

я, как демон,

неслышно,

распластавшись крылами,

над тобой наклоняюсь,

Алтай.

И к твоим синеснежным
и нежным горам,
к хладным скалам твоим,
будто лезвие стали,
воспаленным я лбом
прижимаюсь устало,
моя горная родина,
черноглазый народ.

Я — ЧЕЛОВЕК

Я слишком человек,
  чтоб киснуть в кабинете!
Я слишком жизнь люблю,
  чтобы тонуть в бумагах!
Я рву цветы, шагаю по планете,
Бросаю в воду камешки
  с размаха!

Иду полянами — прекрасными коврами,
Я — Человек,
  в эпоху Человека
иду, свободный,
  по земле свободной!

Мое ценнейшее богатство — вот эти звезды,
и есть ли что дороже!
Мой дом роскошный — этот мир огромный,
и есть ли кров уютней!

Коня седлаю, выезжаю в горы,
разглядываю спящие туманы

ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ

Так ли уж нужны нам, в самом деле,
вещи, тряпки, мягкие постели?
Так ли уж необходимы, право,
эти атрибуты:

имя, слава?

Только б на земле, большой земле,
ни при свете солнца, ни при мгле,
люди бы людей —

не убивали,

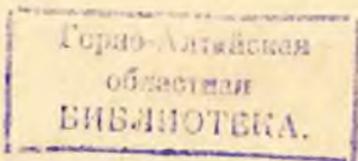
накормить детей —

не забывали.

Лишь бы на земле, где дождь и снег,
каждый настоящий человек,
каждый работающий человек,
каждый гениальный человек,
каждый Просто в Мире Человек
был бы счастлив!

Лишь бы для его
сердца —
здесь хватило бы всего,
в чем, горя, нуждается оно!

Говорю, друзья мои, одно:
обживаясь — не впадайте в раж,
дух приобретательства — зловещ:
вещи, тряпки — призраки, мираж,
счастье всех людей — вот это вещь!

ВЕЧНАЯ ГОЛУБИЗНА

Голубые-голубые реки
вдаль бегут со звоном голубым.
Голубые голоса кукушек
впитывает влажная земля.

Голубое шелковое небо
птицы-челноки, летая, ткут.
И озера тоже голубые,
голубые, мне в глаза текут.

Голубые-голубые ели
по полям проходят голубым.
Голубые-голубые горы
высятся под солнцем золотым.

Над страдою моей,
над мечтою моей,
над бедою моей,
маетою моей,

над любовью моей
и тревогой моей,
над становьем моим
и дорогой моей —

мой Алтай,
высота голубая твоя,
мой Алтай,
чистота голубая твоя,
мой Алтай,
доброта голубая твоя.

И душа моя будет покуда жива,
будет жить в ней, светла, молода,
синева,
синева,
синева,
    навсегда,
    навсегда,
    навсегда.

РОДИНА

Горы мои, горы!
В полдень яркий,
ночами ли,
ваших вершин молчание
звучит —
гордо.

Подобно клинкам скрещенным
отблески вечного льда.
О, я не от их ли света
прищурился навсегда?

Или — весной далекой,
когда в долинах светло,
сквозь древний скуластый камень
лицо мое проросло?

Алтай, моя таинственная,
древняя, чистая даль —
ты богом мне подаренный
волшебный и дивный хрусталь!

СЫНУ ЭРКИНУ

(Стихи с неологизмами)

Мой сын Эркин родился на Алтае,
в его крови — а л т а и н ж а родная,
он отчий край полюбит сердцем чистым,
алтаелюбом станет, алтаистом.

Родясь в горах, наследовал он горство:
стремленье ввысь, бесстрашие и упорство,
а вырастет он — станет истым горцем,
горопроходцем будет, гороборцем.

Родился он среди родной природы,
ручьев родных его вспоили воды,
он вырастет здоровым, белозубым,
природолюбом будет, конелюбом.

О да, друзья, он будет смелый конник,
песнепоклонник и танцепоклонник,
он будет мчаться по горам и рекам,
взлетать на лыжах — птичечеловеком!

Так будет жить он, духом вырастая,
в стране добра, в Коммуне, в Д о б р о с т а н е,
когда исчезнут все следы З л о ц а р с т в а,
а с ним обмана, зависти и барства.

Пусть, ненавидя человекозверство,
всегда он ценит в людях чистосердство,
пусть, веря человеческому взгляду,
находит в добротворчестве отраду.

Пусть и сынам, когда черед ударит,
алтайчество, как отчество, подарит,
пусть и они воспримут сердца глубиью
народознание и отчизнолюбье!

* * *

О,
в народе моем,
в мире бешеных рек,
заклинаю,
великий родись человек!
Песнетворец,
мыслитель,
строитель,
артист, —
умоляю — родись,
заклинаю —
родись!
То, что в нашей
веками
копилось крови,
в совершенной гармонии
миру яви!
Высоту
возрожденной
алтайской души
воплоти, о великий!
Родись!
Поспеш!

Верю я, что к высокой цели ваш путь,
верные всадники!

Пусть счастливым и ясным будет ваш путь,
добрые всадники!

Ваше дело да сбудется на земле,
дружные всадники!

В КОШ-АГАЧЕ

В кош-агачских степях
злые ветры свистят.
Там белки, как клинки,
в синей дали блестят.

Зиянуров,
товарищ,
припомни, как мы
заблудились
дорогой

в «Кызыл Мааны»
и попали
в алтайско-казахский колхоз.
Было войлочных юрт —
что стогов в сенокос!

Там на землях песчаных
отары пасет
богатырский
(а, значит, и добрый)
народ.

Алтайское гостеприимство!
Дастарханы, тосты.
Угощали нас щедро —
от всей
доброты!..

Ну, прощай, Кош-Агач!
Скоро встретимся вновь.
Этот стих мой — ответ
на привет
и любовь.

Не лесами ты славен —
степь суха и пуста.
Вся — в народе,
вся — в людях
твоя
красота.

В ГЛУБИНАХ ГОР

Я здесь возник — в глубинах гор,
и грохот падающих рек
теперь в крови моей навек.

Да, я возник в глубинах гор,
под самым небом с детства жил.
С меня стекает до сих пор
прозрачный свет ночных светил.

Да, я возник в глубинах гор,
и грозный отблеск ледников
упал на дно моих зрачков.

Да, я возник в глубинах гор,
народа небольшого сын,
мне дали крылья и простор
орлы, хозяева вершин.

Слова родного языка,
как серебро, гремят во рту,
растут, как кедры, в высоту.
Истории моей века
пьянят, как тлеющий арчин¹.

---

¹ Арчин — можжевельник.

ОГНЕННЫЙ МАРАЛ

По горам Яйлугуша,
как пламя, лечу.
Я сгораю, горю!
Так живу. Так хочу!

Я — марал огневой,
огневая судьба!

Перемычки в горах
грудью рушу — обвал!
Припадаю к аржанам
в расселинах скал.

Надо мной золотой
бубен солнца горит.
В колокольчик серебряный
осень звенит.

В жилах — пламя, не кровь.
Мощен мускул тугой.

Ну, а сердце мое —
больше клетки грудной.

Это небо, тайгу,
это солнце я пью!
Эту землю, Алтай,
эти горы люблю!

Эй ты, бог, сторонись!
Если вдруг захочу,
в небо, Трех Маралух!
догоняя,
взлечу!

Что за яростный дух
по земле мчит меня,
не давая покоя
ни дня?

Где-то там браконьер
притаился у пня.
и направил рога
друг-соперник в меня.

А — плевать мне на них!
Жизнь, ты — яростный риск.
Хочешь правильно жить —
Мчись, дерзай и дерись!

Эта сила во мне —
чтоб дерзать и любить,
и ревуший мой глас —
славу жизни трубить.

Три Маралухи — созвездие Орион (алт. название).

Бег, неистовый гон!
Эти песни и бой —
вот свобода моя,
мой под солнцем покой!

Я — огненный марал,
огненная судьба.

гляжу я с вершины льдистой,
как золотым пунктиром
невиданные доселе
созвездья восходят над миром!

* * *

На горные хребты, к вершинам восходя,
внимая шелесту весеннего дождя,
мечтой возвышенною душу беря, —
я Ленина читаю!

Когда хочу понять мой многосложный век
когда хочу понять: что может человек, —
Я Ленина читаю!
Я Ленина читаю!

МАЯКОВСКОМУ

Старый мир,
Как взорванный корабль,
Разваливаясь на рваные углы,
Медленно шел на дно.

И запели над миром,
Раскатываясь железными рулонами,
Острые, как бритвы,
Освобожденные ветры.
И солнечные лучи смеялись
Средь нитей паутины.

И те,
Кого люди называли поэтами,
Выскакивали на улицу в теплых телогрейках
И никак не могли объяснить людям:
Что же происходит в мире.

И только Блоку,
Склонявшемуся над костром
Усталой головой,
Снились стеклянные сны

Об огромных витражах,
Расчерченных очерками молний,
Об огромных зеркалах,
Принимающих сигналы из Вселенной.

И тогда среди развалин появился ты,
Ты, точно знавший, что все это произойдет,
Шел, осторожно раздвигая руками
Стальные канаты ветров,
Тупым концом американского желтого ботинка
Пробуя развалины:
Хорошо ли все разломано,
Принимая черновую работу истории...

А там, в глуби земли,
Снова складывались в упругие кольца
Стальные мышцы диалектики,
Чтобы тигром взлететь не однажды опять.

Маяковский,
Ты, как йог, простиравший руки
В оба конца времени,
Скажи же мне:
В каком углу Вселенной,
На какой пустынной планете
Какими кузнецами-богами
В течение веков
Лицо твое было выковано
Из нержавеющей стали?

Да, великолепно жить, когда знаешь,
Что под кулаками человека
Прогибаются искривленные пространства,
Да, великолепно жить, когда знаешь,
Что по твоим стихам
Время будет проверяться, как часы.
Время будет кроиться по твоим стихам, как пиджак.

Но тот,
Кто долго простоял
У атомного реактора,
Тот облучен,
И неминуемо должен уйти.
И я знаю,
Когда ты медленно поднимал
Стонное дуло
К своему виску,
Вдруг перед твоими глазами
Поплыли оранжевые планеты,
Облетаемые караванами
Крылатых, как рыба, ракет.

И нет тебя.
Но каждый раз,
Когда я подхожу к гому,
Что сделано тобою,
Мне все чаще вспоминаются
таинственные сооружения на Земле,
Авторство которых
Люди не в силах себе приписать:
Они их приписывают Звездным Пришельцам.

И когда мы выгнем стальные трассы
к другим планетам
И сквозь
голубую толщу времени
пройдем к будущей Земле.

Как к новой планете,
Я знаю:
Я тебя встречу там,
Вселенского спортсмена,
И весело поздравляюсь с тобой,
Как со своим знакомым.

КУБЕ

Никогда,
никогда
я на Кубе не был,
я не слышал гитары
под звездным небом.
Я не видел еще,
как танцуют румбу.
Я в кино
только видел
свободную Кубу.

Но я,
Кастро,
тебя видел,
знаком с тобой.
Ты —
сын Революции,
из самого пекла боя.

Никогда
я не видел,
как ветер
пальмам листья
полощет.

Но я слышал
речь твою,
Кастро,
на Красной площади.
В океане людском я стоял,
я слушал тебя
с восхищеньем.

У тебя молодое лицо
революции
нашей,
во весь рост ты идешь
под знаменем Ленина.

Ты, как он,
революцию
в сердце
вынашивал.

Мы шагаем
сегодня
с тобою
в одном отряде.

Мы сегодня с тобой
на одной баррикаде.

Кастро!

Ты — вождь мой,
а я — твой воин.
Жизнь нам одна дана
и революция —
тоже одна.

Никогда,
никогда
я на Кубе не был,
никогда
не плясал я

в тавернах
румбу.

Но я знаю:

гитары
под звездным небом
неумолчно поют
про свободную Кубу.

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ ЛЕОНИДОМ МАРТЫНОВЫМ

Я в Москве побывал в гостях у поэта.
Славен, известен поэт Леонид Мартынов!
«Вы — алтаец? О, как интересно это, —
говорил он, кресло ко мне пододвинув. —
Сколько вам лет? Как вас зовут?
Я рад нашей встрече и нашему разговору.
Садитесь,

рассказывайте,

как живут

мои знакомые — Алтайские горы?»

«Когда-то, — сказал он, — в шестнадцать лет,
я был страшно восторженный молодой поэт.

И вот я, представьте, в какой-то книге читаю
о том, как прекрасна природа Алтая.

И вскоре я был уже в пути!

Помню горы и реки,

перевалы и переправы.

Много сотен верст

мне тогда пришлось пройти

с ботаниками, изучавшими

лекарственные травы!

И с тех пор мне кажется: недра Алтая —

словно шкатулка волшебная, золотая,
в которой сокрыты от случайного взгляда
дивные камни,

дивные клады.

А на крышке ее

произрастают чудодейственные растения:
золотой корень, маралий корень.

Кто хлебнет их настой —

словно свежесть вдохнет весеннюю,
будет крепок духом, настойчив, упорен.

И недаром — помню, подумалось мне, —
так целебны ключи в этой горной стране, —
так резвится зверье в этой горной стране, —
вот что, помню, подумалось мне.

Неспроста — подумалось мне тогда —
здесь несломленно,

неистребимо живет,
пробиваясь в грядущее сквозь года,
небольшой, но мужественный народ.
Добрый, славный народ, справедливый:
не обидит зазря, не крадет, не фугается,
вся душа его в неторопливой
речи —

словно цветок, раскрывается!

О! Сейчас говорю я и вижу перед собой,
как сияют с утра и до вечера,
отражая шелк небес голубой,
млечные

вечные

глетчеры!

Склоны гор, поднимающихся к облакам,
там цветами покрыты солнцеподобными,
косулята к воде склоняются там
с глазами, как у алтайцев, добрыми.

Они пасутся на склонах гор,
и я не видел нежнее красы:
у любого спина —

как звездный ковер,

и ноздри влажные от росы.

Голубые туманы видятся мне,

и лесные поляны видятся мне,

снежных гор караваны видятся мне —

будто еду я мимо их на коне!

И я понял: в краю, где на всем скаку

джигит арканом ловит коня,

народ, познавший сто бед на веку,

не зачахнет —

воспрянет под солнцем нового дня!

Природу обожествлявший народ,

к светлой жизни восставший народ,

народ — поэт, философ — народ

никогда не исчезнет,

никогда не умрет.

И если в руки ты взял перо,

стремись народу сделать добро,

миру всему о нем говори,

дерзай, работай, твори, гори!..»

ПЕСНЕТВОРЕЦ

Льву Ошанину

Человек
    не стареет.
Человек
    растет—
Нет
    щедрее
Того,
    кто поет.
Жизнь, тревоги —
Вам шестьдесят.
Вы в дороге —
Как сорок лет назад.
Небо —
    звездами,
Снег
    годов.
Грустит
    мелодия
Без ваших слов.
Горжусь,
    не завидую,

Мастер,
Вам.
Вас видели
И Тюмень и БАМ.
Там,
на стройках,
В таежном
краю,
Песен
строки
С молодыми
пою:
*«И снег, и ветер,
И звезд ночной полет...
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет».*
Вижу
ясно я
В пламени
строк
Гвоздику
красную,
Огонь-цветок.
Поэт
не стареет
если —
В счастливый год
Написал песни,
Которые
мир
поет.
*«Эх, дороги,
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян».*

ЧЕГО Я ХОЧУ

Я иду по земле,
как живой, стоязыкий костер,
пламя рук своих ввысь,
в жаркий пепел сгорая,
простер.

Запрокинута к небу
моя голова,
обжигают мне рот
раскаленные угли —
слова.

Революции знамя —
святыня моя,
все она для меня —
и корабль
и маяк.

Самых верных друзей,
самых смелых друзей,
самых умных друзей —
вот кого я ищу!

Самой чистой любви,
самой нежной любви,
самой крепкой любви —
вот чего я ищу!
Вот чего я хочу!

Весь я, люди,
любовь и доверье,
всех в объятия
готов заключить я.

Что с того,
                                коль подчас
я, как дети,
                                наивен и прост?
Называйте меня
                                человеком,
  упавшим со звезд!
Надо мной посмеетесь беззлобно —
                                я с вами, смеющийся, вместе,
надо мной надсмеетесь жестоко —
                                себя не унижу до мести.

Вон зажегся в грядущем
прожектора свет,
он ко мне дотянулся
сквозь множество лет.
Как по белой дороге
иду по лучу.
Вот в чем счастье мое!
Вот чего я хочу!

Звездоглазый Алып-Манаш,
стройный юноша с тонким станом,
в сапогах, у которых
загнуты кверху носки,
там оленя преследует,
мощным хребтам-великанам
наступая
с хрустом
на позвонки!

В белооблачном шарфе
стоит великанша Белуха.
Из расселины льется
источник с волшебной водой.
Слышу голос Хозяина Гор —
голос мудрого Духа.
Достает из-за пазухи он
чоочой золотой.

Чоочой —
светлобокая чаша —
на солнце горит,
и, воды зачерпнув,
мне Хозяин-мудрец говорит:
«Если хочешь народу,
отчизне своей послужить —
по великому счету
свой век ты обязан прожить!»
То ли сердце само,
то ли ветер мне шепчет такие слова —
и смотрю я вокруг,
и кружится моя голова!

РАНО УТРОМ В ГОРОДЕ

Рано утром
голуби ходят, воркуя, карнизами —
рано утром.

Рано утром
тополя светом солнца пронизаны —
рано утром.

Рано утром на улицах —
столько стройных девчат!
Их глаза блестят,
каблучки стучат —
рано утром.

Ветки, словно качели, качают скворчат,
грузовики на дорогах ворчат —
рано утром.

Рано утром
в этом мире,
затопленном солнечным светом,

— в этом мире,
звнящем, как голубое стекло,
может сбыться все,
что загадано было поэтом,
может разом, навеки
погибнуть земное зло —
рано утром!

РАНО УТРОМ В ДЕРЕВНЕ

Рано утром,
едва открываешь глаза,
их слепит бирюза
яркой толщи могучего, мощного неба.
Словно только что сотворенное,
отделяясь от земли,
ввысь летит и летит,
и звенит, и звенит,
улетает,
тает,
никак не растает.

Открываешь дверь --
у крыльца
теплым ковриком солнечный свет.
Ходят голуби, куры,
клюют золотые зерна,
празднуют.

А у коновязи — конь,
от него — почти огонь,

не огонь, так дым,
а не дым, так пар —
добрый конь, горяч, не стар!
И первый певец, прославляющий день, —
петух —
уж давно взлетел на плетень,
и во взгляде певца — торжество.
Коромыслу подобно, изогнута песня его.
А длинна-то, длинна!
Удивительно, как не устанет —
так долго он тянет,
что страшно: вот-вот
голос
сорвет.

СМОТРЮ С ГОР

Ночь.
Подперев ладонью подбородок,
я с гор смотрю.
Там светят города.
Неслышно
грохоча на поворотах,
игрушечные
мчатся
поезда.

Там, в городах,
где жизнь летит, блистая,
чего искал я
и мечтал о чем,
застенчивый и гордый
сын **Алтая**
с пастушеской котомкой
за плечом?

Быть может, силы,
возгордясь, пытал,

быть может, славу
обрести мечтал?

О, не свою ли песню
убивал я?
О, не свои ли
предавал слова?
Себя, как дерево,
из почвы вырывал я,
и стала вдруг
желтеть моя листва.

А ночью мысли,
словно бы кометы,
все ярче,
все внезапней,
все острее
прочерчивали мозг мой.
Может, это
и было
тайной славою
моей.

Я честен был!
В слова вливая душу,
не тратя даром сил
на пустяки,
писать уже умел
других не хуже
«сверхинтеллектуальные»
стихи.

Но в это время
где-то в синей дали,

в грозу, при вспышках
белого огня,
топтались табуны,
метались,
ржали,
разыскивая, может быть,
меня.

Пастушки-сестры
шли тропой туманов,
в горах встречая
без меня зарю...

Я возвратился,
не пропав,
не канув.
Смотрю в долину.
Думаю.
Смотрю.

Здесь — мой народ,
здесь — все мои родные,
я к ним сегодня обращаю речь.
Мне — не до тонкостей кулинарии,
мне научиться б
хлеб насущный
печь.

Но я еще вернусь к вам,
города,
и не за славой
я приду тогда!
Приду, скажу:
«Теперь уже не стану

ни подражать,
ни жаться в уголке:
судьба земная
черного Имана,
судьба земная
рыжего Ивана
в моем сегодня
песенном мешке!

Мой стих
не отраженным светом ярок
чужих открытий,
мыслей и стихов.
В нем — смех усталый
девушек-доярок
и жесткая закалка
пастухов.

В нем — сны туманов,
бег коня лихого,
крик журавлей,
над облаком — звезда,
все, что живет во мне
и просит слова...»

Немного подождите,
города!

ВЕТЕР ВЕРШИН

Осень.

Рушатся с бурых нагорий
злые,
звонкие, свежие ветры,
и бушуют леса,
словно море,
желтой краской
обрызганы щедро.

Лето было!

От медного зноя,
духоты,
комариного писка,
выше, в горы,
к прохладе альпийской
уходило тогда
все живое.

Я и сам

от асфальтов, расплавленных в жижу,
пересудов и сплетен,
коротких и длинных

Я люблю тебя,
я ловлю тебя,
распахнув объятия,
ветер!

Ну, а ветер все крепче,
он летит и поет,
свищет, воеет —
по-доброму злой.

В это время
каждое дерево
сдает экзамен:
кто крепче связан
с землей.

Листопад —
колесом!
Каруселью—
листы!

И леса
для грядущего лета
чисты!

Стало небо пустынной,
ветром провеянное,
птицы ищут на время
в скалах приют,

лишь вороны,
дуры самоуверенные,
неуклюжими крыльями
против ветра гребут.
Но проходит всего минута,
и —

в кусты, развернувшись круто!

ПЕСНЬ БАТЫРА ВРАГУ
ПЕРЕД БОЕМ
(Подражание эпосу)

Диких коней объезжать я родился,
гордые песни слагать я родился,
храбрых в бою побеждать я родился,
снежных вершин достигать я родился.

Девушек нежных любить я родился,
в песне хвалу им воздать я родился,
звезды на небе добыть я родился,
людям добычу раздать я родился!

Солнышку радоваться, как дитя,
наглого наземь валить шутя —
вот для чего я родился!

Славу народа хранить и беречь,
гордость в сердцах пробудить и разжечь —
вот для чего я родился!

Кто я?

Алтайский бесстрашный джигит!
Кто, дерзновенный, меня победит?

Ты ли меня одолеешь, наглец,
лютую злобу на сердце тая?
Дух этих гор — мой суровый отец,
эта земля — мать моя!

Шаг мой один — десять твоих!
Слово одно мое — десять твоих!
Верх надо мною

взять ли тебе?

Нет!

Ни в гоньбе,

ни в борьбе,

ни в стрельбе...

Непримиримые, вышли мы в бой,
правда — за мной, а обман — за тобой.
Вышел я в бой сам — один, сам с собой —
сколько приспешников вышло с тобой!

Ты ль победишь, злобный хитрец,
черные помыслы в сердце тая?
Дух этих гор — мой суровый отец,
эта земля — мать моя,
ткани туманов —
пеленки мои,
воды аржанов —
кормильцы мои!

У чабанов, конечно,
тчаянные заботы:
нет сена,

травы — под снегом,

и небо — сплошь в облаках

И точно в срок, не ко времени,
настала пора окота,
сквозь вьюгу ребята-сакманщики
несут ягнят на руках.

Небо такое хмурое,
что опускаются руки!
Ведь столько мы, люди, ждали,
жаждали этой весны!
Но скрылась весна под снегом,
скрылась по всей округе,
и мы разводим руками,
растеряны,
смущены.

Но —
как бы зима-старуха
ни злобствовала напоследок,
весна не остановилась,
помалу — свое берет.
Птицы не замолчали
среди нерасцветших веток:
дрожат — но поют!
И время
тихонько
идет
вперед.

А чей это голос слышится
с завьюженной опушки?
То — голос извечной вестницы,
зовущей весну встречать,
не соловья знаменитого —
простой алтайской кукушки.
Ее,
раз время настало,
заставишь ли
замолчать?

Идут ребята-сакманщики
(а снег все падает с неба),
у них на руках — ягнята
(а снег мелькает, слепящ).
И вещей птицы — кукушки —
на мрачном празднестве снега
песня звучит
весенняя,
о солнце —
среди голых чащ!

1969 г.

АНТИЧЕЛОВЕК

В то утро я на небо посмотрел —
и не зарю увидел: море крови.

В то утро я на землю посмотрел —
и не ручьи увидел, струи крови.
О, Вьетнам!

Ты — кровавая рана,
человечеству грудь рассекшая!..

Шар земной рассекли границы —
из каких гранитов они?

Разнолики
        людские лица,
но сердца,
        но чувства —
                                одни!

И одну, простую,
        давно
истину понял я:

люди разны, как братья,
но
человечество
есть семья!

Антимир вы ищете, физики?
Бросьте, физики:
только одна
в мире есть антитеза миру:
антимир —
это есть
война!

Лишь когда человек человечен,
человек — Человек!

Человек присутствует в мире,
в антимире —
античеловек.

Называемый сверхчеловеком,
он на деле —
античеловек!

Зверь, звереющий в чаше, — создан
таким,
и вины не предъявишь ему.
Человек, человека преследующий,
изменяет себе самому.
У него оболочка людская —
кожа, мускулы, интеллект,
но его оболочка — пустая:
человека внутри ее —
нет.

Во Вьетнаме кого сегодня бомбят?
Нет, не только старцев, женщин, ребят —
Человечество,
Человечность.

Это кровь из наших сердец течет,
и врагам в бою предъявляют счет
Человечество,
Человечности!

1966 г.

Во Вьетнаме кого сегодня бомбят?
Нет, не только старцев, женщин, ребят —
Человечество,
Человечность.

Это кровь из наших сердец течет,
и врагам в бою предъявляют счет
Человечество,
Человечности!

1966 г.

МАТАДОР

Федерико Гарсиа Лорке

Вот рука моя левая.
Не плащ в ней трепещет алый —
сердце смеется мое.
Вот рука моя правая,
она не шпагу разящую сжала,
а мысли моей раскаленное острие.
Я — матадор. Не арены песок подо мной,
а зеленые травы земли родной.
Я — грядущего радостный сын.
Отчего же
мысли моей не сверкать,
сердцу не ликовать?
Вчерашние правда и жизнь,
вам не век вековать,
вы сегодня становитесь ложью.
Ложь — чудовищный бык.
Я — матадор. Я с быками сражаться привык.
Эй, мой бык! Мы тебя пощекочем кинжалом,
красным сердцем подразним тебя,
набитый мешок.
Все увидят, что ты хоть огромен, а жалок.

Все увидят как ты смешон.

Ты будешь метаться в слепом озверенье,
пока моя шпага тебя
не пригвоздит к арене.

Но однажды, быть может, поднимешь меня
на рога,
к солнцу беспечного вскинешь врага.

У ног твоих молча застыну,
поперек рубежей свое тело раскину.
Но сквозь кровавый туман разгляжу я, пожалуй,
как придет невидимка — мать, время мое,
подтолкнет мою руку,

и шпаги сверкнет острие,
в сердце твое войдет холодное жало,
в лицо мне кровь твоя хлынет струей.

Годы пройдут. И где-то в глухом захолустье
уснет мой клинок под музейным стеклом,
во сне он почувствует с грустью
жаркий бой, южный зной, рукоплесканий гром.

Будешь ты окружен экскурсантами —
шумным народом,
Матадорам напомнишь — юнцам желторотым —
промах мой роковой, он мне стоил — увы! —
головы.

Им захочется жить, не зная покоя,
быть все время в бою, всякий раз побеждая быка,
у матадоров не часто бывает такое —
их профессия не легка.

1961 г.

ГУЛЛИВЕР

Дорога дикого гуся — через моря и вершины.
Птичника обитатель,

тебе ли о ней судить?

Сквозь шторм, сквозь пламя — дорога истинного

мужчины.

Комнатный обыватель,

тебе ли о ней судить?

Жизнь,

ты создана,

чтобы

смело тебя прожить!

И сам ведь я

создан,

чтобы

смело тебя прожить!

Дай же мне руку

на равенство, дружбу и веру!

Жизнь,

не дадим лилипутам

связать Гулливера!

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Тук-тук-тук.
Тук-тук-тук.
День и ночь. День и ночь.
Кто-то мчится на коне.
День и ночь. День и ночь.

Луны кружат над ним.
Солнца в нимбах звенят.
Как колеса, года
убегают назад.

Где-то там, впереди, крепость каджей стоит.
Там Нестан-Дареджан в тесной башне сидит.
Витязь в тигровой шкуре на помощь летит.
День и ночь. День и ночь.

Барс могучий с ним был. Как собака, служил.
Он от скачки устал, по дороге отстал.
Триста тридевять стран. Пел о счастье
фонтан.

Это все позади. Все, как сон, позади.

Битва, дружба, любовь — это все впереди.
Исполнение надежд — впереди, впереди.
День и ночь. День и ночь.
Тук-тук-тук. Тук-тук-тук.

Приближается —
слышите? —
цокот копыт.

Нет!
То сердце мое
(или ваше?)
стучит.

ДИОГЕН
(Шутливое)

Мне приснилось, что я — Диоген,
что сижу я в своей знаменитой бочке
и стоит предо мной Александр Македонский,
вопросаает:

— Чего ты от жизни хочешь, философ?

Покорил, — говорит, — я прекрасный Иран,
там красавицы — каждая словно джейран,
и еще я немало земель покорю,
попроси — все, что хочешь, тебе подарю!

А я говорю: — На Марсе
водопровод сломался,
ты бы, что ли, помог починить, — говорю.

Просыпаюсь я, беспечен и молод,
а в комнатенке — отчаянный холод.
— Эх, дурак, — сам себе говорю, —
хоть бы дров попросил, — говорю...

НОЧЬ

Ночь темноглазая
смотрит в комнату.
— Мир потонул во мгле.
Думаю.
О жизни своей — думаю.
Часы стучат на столе.

«Я твой друг, — мне ночь говорит. —
Узнаешь меня? — шепчет мне. —
Знаю: будешь опять
до рассвета не спать,
будешь мир постигать
и себя постигать
до утра
в ночной тишине».

«Я твой друг молчаливый, —
говорит она мне. —
Твои лучшие мысли
рождались в моей тишине,
улетал ты к созвездьям

в просторах моих,
что узнал — Расскажи», —
говорит она мне.

«Много раз, — говорит, —
в моей тишине
оставался ты с совестью наедине,
сокровенное
из глубин души
поднималось,
всплывало
в моей тиши.

И пока ты жив,
я с тобою — рядом,
тишиною моей
и взглядом
я всегда тебя поддержу,
я раздумья твои сторожу...»

Миги времени отсекая,
на столе будильник стучит.
За окном большая-большая
зверем сказочным
ночь стоит.

Мысль моя,
как росчерк молнии,
с треском рвет
времен полотно.
Не мигая,
глазами темными
смотрит ночь на меня
в окно.

ЭХ, МИЛАЯ МОЯ...
(Шутка)

Эх ты, милая моя,
маленькая женушка!
Сладко дышишь ты во сне,
ровно дышишь,
солнышко!

И не знаешь: я — не сплю,
молча жду зарю.
Может, я с Леоновым
среди звезд парю.

Может, погибаю,
зубы стиснув яро,
на холмах Боливии
с майором Гевара...

Ну, что тебе стоило,
женушка моя,
выбрать не такого
супруга, как я?

Вы бы уж, наверное,
мотоцикл купили.
Вы бы уж, наверное,
На «Москвич» копили.

Ты сейчас бы, радуясь
жизненной удаче,
поливала вдохновенно
огурцы на даче.

А с меня — что возьмешь?
Алтайский поэт,
все имущество его —
его тридцать лет.
Десять метров комната —
и весь белый свет.
Ничего более
у меня нет.

Кто-то скажет о тебе:
«Невезенье редкое»,
дорогая ты моя,
женушка корректора...

1967 г.

ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ ДЕМОН
ЖЕНИЛСЯ НА ТАМАРЕ
(Шутка)

Михаил Юрьевич Лермонтов
    нам не весь поведал сюжет:
на Тамаре Демон женился
    и прожил с ней много лет.
Но Тамара, хоть и красавица —
    только женщина, а не птица.
Волей-неволей Демону
    пришлось на землю спуститься.

Дети пошли, хозяйство —
    надо же как-то жить!
Демон сложил свои крылья
    и поступил служить.
Но прошлое долго-долго
    от него не могло отстать:
придет с работы, бывало,
    хочу, говорит, летать!
Детей на колени посадит,
    расскажет, как жил, летая,

как парил над вершинами
Кавказа, а также Алтая.
Плачет, бывало, Демон,
жалуется, небрит:
все, говорит, мои таланты
ушли на семью, говорит.
А то незаметно трешку
прихватит — и за порог,
и в темноте растает
(как это всегда он мог),
и с другом, шофером Колей, пьет,
пока не станет светло,
и только утром к себе домой
бредет, волоча крыло.
— Где ты был? — Тамара накинется, —
аспид, пьяница, лиходеи?!
— Я полетал немного, —
Демон тихо ответит ей.

Как не понять Тамару —
беда с таким муженьком!
Бежит в женсовет многодетная мать,
эповещает местком.
И я там был, но меду не пил,
ничего не текло по усам.
Я был на собрании секретарем,
я протокол писал.
Слышал, как Демон каялся
малым детям под статью,
больше, говорит, не буду
ни пить, говорит, ни летать.
Выяснилось: и на службе
с ним было мученье одно —

разложит, бывало, бумаги,
сидит и смотрит в окно,
туда, где синее небо,
где края облаков горят...
И план всему коллективу
чуть не сорвал, говорят...

Ох, и досталось Демону!
Жалко было его.
Женщин бригада целая
накинулась на одного,
сколько их было, не помню,
но, кажется, пять или шесть,
а пять или шесть рассерженных женщин
способны и черта съесть.

Теперь исправился Демон,
не пьет, впустую не грезит,
купил мотоцикл,
на рыбалку
по воскресеньям ездит,
ходит красивый, румяный,
с кругленьким животом,
скоро квартиру получит новую —
профсоюз хлопочет о том.
Больше в тоске непонятной
не смотрит на небо, в окно,
после работы, в пижаме,
садится за домино.

Еще иногда пытаются
ребятишки к нему пристать:
— А правда ли, дяденька Демон,
что вы умели летать?

Вздохнет чуть заметно Демон,
    гладок, чист и побрит:
молод был, говорит,
    глупый был, говорит,
    вот и летал, говорит.

Идея моей поэмы
    здесь выражена прямиком:
Демона перевоспитавший —
    да здравствует наш местком!
Да здравствует непреклонный,
    настойчивый женсовет!
Демону преображенному
    здравствовать много лет!

АРХИТЕКТОР АЙНА

В Горно-Алтайске городе
над Улалушкой-рекой
есть дореянный домик,
с виду невзрачный такой.
Там в комнате самой маленькой
сегодня живет одна
девушка темнoглазая —
архитектор Айна.

Хрупкая. Невысокая.
Нежный овал лица.
Нет покуда квартиры
для младшего «спеца».
При досаафском клубе
комнатка ей дана.
Дискуссии шоферские
сквозь стенку слышит Айна.

Нет влиятельных связей
у героини моей.
Другой занимает место,
где быть бы по праву — ей,

и вовсе не по специальности
служит пока она...
Но вечером, не скучая,
проекты чертит Айна.
Великое дело — молодость!
Прекрасна и молода,
чертит на ватмане девушка
светлые города,
веря в прекрасное будущее,
дело свое любя,
чертит их — не по должности,
чертит пока — «для себя».

Но что же такое значит,
друзья мои, — «для себя»?
Дома встают великаны,
сияньем окон слепя,
в них все — для людей, в них
каждому—
просторнейшее жилье!..
Склонилась у лампы девушка
и думает про свое.

Ее города прекрасны,
в них солнечно и светло,
в них каждому
по таланту
место в жизни дано,
архитектура связей,
которая столь сложна,
там совершенно забыта,
ни капельки не нужна.

Там девственна летом зелень,
зимою — чисты снега,

летят по стенам олени,
закидывая рога...
И все это создается
девичьей легкой рукой
в домике, вросшем в землю,
над Улалушкой-рекой.

и вовсе не по специальности
служит пока она...
Но вечером, не скучая,
проекты чертит Айна.
Великое дело — молодость!
Прекрасна и молода,
чертит на ватмане девушка
светлые города,
веря в прекрасное будущее,
дело свое любя,
чертит их — не по должности,
чертит пока — «для себя».

Но что же такое значит,
друзья мои, — «для себя»?
Дома встают великаны,
снятием окон слепя,
в них все — для людей, в них
каждому —
просторнейшее жилье!..
Склонилась у лампы девушка
и думает про свое.

Ее города прекрасны,
в них солнечно и светло,
в них каждому
по таланту
место в жизни дано,
архитектура связей,
которая столь сложна,
там совершенно забыта,
ни капельки не нужна.

Там девственна летом зелень,
зимою — чисты снега,

летят по стенам олени,
закидывая рога...
И все это создается
девичьей легкой рукой
в домике, вросшем в землю,
над Улалушкой-рекой.

ТЫ

Ты красива,
но есть на земле и другие,
красивые тоже.
И все же —
нет милее тебя.

Ты добра,
но ведь есть на земле и другие,
столь добрые тоже.
И все же —
нет милее тебя.

Ты нежна,
но ведь есть на земле и другие,
столь нежные тоже.
И все же —
нет милее тебя.

Ты чиста,
но ведь есть на земле и другие,
чистейшие тоже.
И все же —

нет милее тебя.

И на целой земле, никогда и нигде,
нет милее тебя!

ТАК ЖИТЬ!

Если жить — так вот жить:
устремленно, упрямо, на полный!
Ливни вешние пить
жадной горстью, под кровом из молний!

Так вот жить: мчаться к солнцу, мечтать,
дураков одурачивать,
сумасшедшие ветры за гривы хватать,
поворачивать!

Ненасытен взор —
все ему подай,
ненасытен дух —
плещет через край.

Воет кровь моя!
Дышит кровь моя!

Так живу, друг, я!
Так сгораю я!

МОЯ ПОЛИТИКА

В личной моей «политике» —
ни одного секрета.
Просто: люби человека.
Самое главное — это.

Без колебаний людям
свое раскрывал я сердце.
Может, бывал безрассуден
в этом своем усердстве.
Часто — не ускользало
от моего взгляда! —
людям это, бывало,
вроде не так уж надо.

Но все же, в конечном счете,
люди мне доверяли.
Люди меня — понимали.
Люди меня — принимали.

Если я в чем виновен —
в том признаюсь открыто:
сердце держал — открыто,
жить старался — открыто.

Что со мной дальше будет? —
сердце мое гадает.
Мещане меня осудят.
Звезды меня оправдают.

В зубах у меня зажат
этот булатный стих!

Если вдруг я умру
(с кем не случается!),
выньте из души моей совесть мою
и заверните меня в нее,
словно в саван.
Это — главное, чем я дорожил,
о чистоте чего я заботился...

А теперь, мои милые люди,
разрешите мне выйти
на великие перекрестки
и, сквозь горную синь
медленно разглядывая
волшебных девушек,
дождаться мою единственную любовь,
идущую сквозь синее время.

А вам,
мои милые люди,
чтоб вы не заскучали, —
вот вам эта зеленая веточка —
мое улыбающееся стихотворение.
Нате, держите
цветок моего сердца.
Не уроните.

1963 г.

и весь род засыпал,
и горы стояли хмуро,
и луна была кругла, как печать,
тихо-тихо струны топшура
начинали

сами

звучать!

То ровнее и глуше,
то звонче и быстрее...
Это в них оживали души
легендарных богатырей!

Ну, а что же могло присниться
вам, руки отца?

Только одно: работа, работа,
работа без края и без конца...

Снится вам, как с утра вы коня запрягали,
как вы снег, белый снег у стогов разгребали,
как вы сено овцам потом раздавали,
как, замерзнув, потом над костром колдовали,
как нехитрый обед на стоянке варили,
как потом вы коня из ведерка пойли —
ничего-то вы, руки отца, не забыли!..

Вспоминаю жизнь отца моего:
детство его, сиротство его.

Помогая братьям, родитель мой
петли на зайцев ставил зимой,
а летом, бывало, мой дед Самык,
с преогромной пилой, хоть сам невелик,
во главе своих сыновей-сирот,
что остались без матери в трудный год,
шел, кряхтя, наниматься на пилку дров...

Обходили немало они дворов,
приходили и в тот, на краю села,
где — подросток — мама моя жила.
Мама жила, доли ждала,
о судьбе гадала при белой луне...
Это мама потом рассказала мне.

Но не только пилою и топором
и другим крестьянским инвентарем —
мой отец не худо владел пером,
в сельсовете работал секретарем!

До сих пор бытует в селе рассказ
про один сочиненный отцом приказ.

Вышло так, что парни раз подрались
из-за девушки. Звали ее Кымыс.

И тогда отец, объявив сгоряча
им — от имени граждан села — «строгача»,

предписал им просто, как «дважды два»,
для общественной пользы пилить дрова,

и дровами — хотят они или нет —
обеспечить школу и сельсовет.

Две недели, смеясь, меж своих забот,
приходил драчунов посмотреть народ,

проследить, чтоб выполнили урок,
присмотреть, чтоб никто лениться не мог...

Эти парни были: мой дядя Токшин,
Кажыкчи Телес и Чинат Эркин.
Случай тот им запомнился до седин,
но не обиделся на отца ни один.

Потому что не только была крепка —
справедлива была отцова рука,
хоть, возможно, он в чем-то «превысил
права»...

Вам бы силу такую, мои слова!

А еще,

кроме всякой крестьянской работы
и писанья приказов,

помню отлично я:

были словно бы созданы

руки отца

для охоты,

для красивой, точной и тонкой машины —
ружья!

Двух козлов подряд на одном месте,

четырех подряд на одном месте,

разом двух — на бегу,

общей пулей,

в одно мгновение,

вместе —

вот как мог мой отец!

Я вообще — не смогу...

(Примечание следует от поэта:

никогда не стрелял он ради игры,

и притом браконьерством

не называлось это —

больше было в горах

зверья в те поры...)

Помнят все, кто отца в те годы знал:
на охоте

всегда он удачлив бывал,
гость врасплох никогда его не заставал —
бабкин черный казан остынуть не успевал...

Дни войны.

Заграница.

Отец мой — у пулемета.

Прикипели к металлу руки отца.
Падает, падает вражеская пехота
и остается лежать,
не поднимая лица.

Было и так:

с пулеметом из окружения
сам пробился отец
и десяток товарищей спас,

вывел

в наше расположение —
и к награде представлен был в тот час.
А наутро — приказ выступать.

И где-то

от него награда отстала в пути...
До сих пор она, наверное, по свету
ищет отца — и не может найти.

Вот мы День Победы встречаем...
Но достаток не сразу придет в колхоз.
Непросохший курут

отец ломает за чаем:

«Лишь бы сын здоровым и сытым рос!..»
Он склонился ко мне — и снова, и снова
гладит по волосам, по щеке...

Спит отец мой. Что снится отцу?
Как в горах, не жалея сил,
у верховий речки Ак-су
лес валил и в сани грузил?

Или снится ему, как в глуши лесной,
там, где встали кедровые суровые,
из-под снега вытаявшие весной
собирает он

шишки кедровые?

Этот вешний сбор

люди наших долин
называют падалицей — «тушкин».

Или снится, как он, наклонясь с коня,
рвет с куста огонек малины —
и, попробовав, вспоминает меня
и братишку — меньшого сына:
«Эх, еще не дошла малина, видать!
Эх, придется сынам еще подождать!»

Спит отец мой. И видно мне:
руки вздрагивают во сне...

Эти руки, мирно спящие,
эти руки работающие

на земле — чего ни делали!
Только зла — вовек не делали.

В слепоте, в хмельном угаре ли,
человека — не ударили.

И чужого — не присвоили.
Не ломали — только строили!

Прославляю вас, добрые руки отца,
прославляю вас, честные руки отца,
прославляю вас, чистые руки отца,
славить вас я готов без конца!

Вы — как две плодородные пашни,
ладони отца,
вы — и крепость, и кров наш всегдашний,
ладони отца,
вы надежно прикрыли очаг наш домашний,
ладони отца!

Отдыхайте, усталые, вволю,
о руки отца,
завтра вновь на работу, в кошару и в поле
о руки отца...

Это слово — во славу
не отца одного,
утверждаю: не дело —
славу петь одному.
Это слово — во славу
поколенья его.
Этой славы по праву
часть — наградой ему!

Это слово — во славу
всем трудягам честным,
вам, работникам честным,
вам, опора страны,
вам — простым и надежным,
вам — таким непростым,
вам — пришедшим с войны,
не пришедшим с войны,

всем, кто пашет и сеет
и отары пасет,
варит сталь на заводах,
создает города,
с кем достигнем любых
заповедных высот,
не сдадим, не отступим
нигде, никогда!

1970 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Сердце мое. Перевел И. Фоянков	7
Как прекрасен мир! Перевел И. Фоянков	9
Возвращение. Перевел Г. Панов	11
Я — человек. Перевел И. Фоянков	14
Истинное счастье. Перевел И. Фоянков	16
Песнь о родине. Перевел И. Фоянков	18
Вечная голубизна. Перевел И. Фоянков	20
Родина. Перевел И. Фоянков	22
Сыну Эркину. Перевел И. Фоянков	23
«О, в народе моем...» Перевел И. Фоянков	25
Всадники. Перевел И. Фоянков	26
В Кош-Агаче. Перевел И. Фоянков	28
В глубинах гор. Перевел А. Ревич	30
Огненный марал. Перевел И. Фоянков	32
Читая Владимира Ильича. Перевел И. Фоянков	35
Маяковскому. Перевел автор	37
Кубе. Перевел Г. Кондаков	40
Разговор с поэтом Леонидом Мартыновым. Перевел И. Фоянков	43
Песнь творец. Перевел Г. Кондаков	46
Чего я хочу. Перевел И. Фоянков	48
На Кадринском перевале. Перевел И. Фоянков	50
Рано утром в городе. Перевел И. Фоянков	52
Рано утром в деревне. Перевел И. Фоянков	54
Рано утром на Алтае. Перевел И. Фоянков	56
Смотрю с гор. Перевел И. Фоянков	57
Ветер вершин. Перевел И. Фоянков	61
Песнь батыра врагу перед боем. Перевел И. Фоянков.	65
Кувшка среди снега. Перевел И. Фоянков	67
Античеловек. Перевел И. Фоянков	70
Матадор. Перевел А. Ревич	74
Гулливвер. Перевел И. Фоянков	76
Витязь в тигровой шкуре. Перевел И. Фоянков	77
Диоген (шутливое). Перевел И. Фоянков	79
Этот ночной ветер. Перевел И. Фоянков	80
Ночь. Перевел И. Фоянков	81
Эх, милая моя (шутка). Перевел И. Фоянков	83

Что было бы, если бы Демон женился на Тамаре (шутка)	85
Перевел И. Фоянков	
Архитектор Айна. Перевел И. Фоянков	89
Ты. Перевел И. Фоянков	92
Лебедь, летящий вверх по весенней Катуни.	
Перевел автор	94
Спящий ребенок. Перевел Г. Кондаков	96
Так жить! Перевел И. Фоянков	97
«В каждой девушке встречной...»	98
Перевел И. Фоянков	
Моя политика. Перевел И. Фоянков	99
Двадцатичетырехлетие. Перевел Г. Кондаков	100
Руки отца. Поэма. Перевел И. Фоянков	102

Паслей Самык
(Самыков Василий Тордоевич)

ОГНЕННЫЙ МАРАЛ

Сборник стихов. Переводы с алтайского

Редактор Н. Кучияк. Художественный редактор А. Кузнецов. Технический редактор М. Шелепова. Корректор А. Чулчушева.

Сдано в набор 29/VI 1978 г. Подписано в печать 19/IX 1978 г. Формат 70x108_{1/32}. Усл. п. л. 4 9. Уч.-изд. л. 3,35. Тираж 4000 экз. Заказ 2698. Цена 55 коп.

Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, г. Горно-Алтайск, ул. Горно-Алтайская, 36. Горно-Алтайская типография, пр. Коммунистический, 27.

11

55 коп.

ГОРНО-АЛТАЙСК . 1978